

metaphysics. We are referring to the so-called *ontology of good and evil*, which can be traced back to the Platonic doctrine; it has attained fundamental significance in Christian moral theology, where it remains influential to date. The Christian ontology of good and evil identifies *good* as *existence* and gives it the exclusive right to true existence—in other words, it ascribes a substantial nature to good, which makes it possible to say that good *is*. The root of evil is non-being, or, rather, harm, paucity, or lack of being. Evil is always of a secondary nature and lacks metaphysical reality, nurtured by nothing but dregs of existence.

The metaphysical discourse that provides the basis of the ontology of good and evil remains very significant to a traditionalist mind. However, one perceives the synthesis of ontology and morality inherent in its metaphysics of good and evil as unconvincing. Firstly, this assumption apparently robs evil of its real (metaphysical) basis, making it look perfectly arbitrary, whereas good is deeply rooted in reality. Augustine even suggested to distinguish between “efficient causes” (*causae efficientes*) of good deeds and “deficient causes” (*causae deficientes*) that have evil consequences. In this case evil appears as something non-existent – not only in terms of its being (or, rather, *apparent non-being*), but also in its activity and efficacy. However, this postulate contradicts every observation made as a result of daily experience, which demonstrates evil to be very industrious and ingenious. One might also recollect the saying that if you chase evil out through the door, it shall return through the window – the lack of any substantial basis in evil makes it search for one, finding a logical and metaphysical place in existence instead and becoming a direct consequence of the latter. How could it have been manifest in reality otherwise? This paradox of the ontological interpretation of the notions of good and evil proves that philosophical ethics should not rely on metaphysics exclusively and must also apply notional resources of its own.

Translated into English by Mikbail Yagupov

А.А. Гусейнов¹

Мораль (нравственность) состоит в том, чтобы не убивать и не лгать. А задача этики состоит в том, чтобы обдумать, почему это так.

---

¹ Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов – профессор, академик Российской академии наук, директор Института философии РАН, автор ряда книг и учебников по этике: «Античная этика», «Великие пророки и мыслители: нравственные учения от Моисея до наших дней», «Философия, мораль, политика», «Золотое правило нравственности», «Философия: мысль и поступок».

Человек хочет наполнить собственную жизнь таким смысловым содержанием, которое он считает для себя наилучшим, и тем самым ориентировать ее по вектору добра. Каждый, разумеется, стремится к добру, или высшему благу так, как он его понимает. Многообразие конкретных взглядов по данному вопросу еще древними философами было сведено к трем основным вариантам: стремление к удовольствиям, самоутверждение через гражданскую активность, равное самому себе приобщение к вечности (в другой, более поздней, формулировке их можно обозначить как жизнь ради себя, жизнь ради общества и жизнь ради Бога). Нравственное стремление в качестве стремления к добру, как бы последнее ни понималось, имеет для человека самоценный смысл, выступает в качестве выражения его сокровенного личностного начала и внутреннего достоинства. Нравственность представляет собой взгляд человека на свои решения и поступки с точки зрения того, какими бы он хотел их видеть и какими бы они были, если бы целиком зависели от его воли.

Вещи, окружающие человека, по отношению к нему могут быть как полезными, так и вредными. Человек в своей деятельности может обдуманно реагировать на это различие, предпочитая полезные вещи вредным, но он не может кардинально изменить их природы. Иное дело – окружающие его люди, отношение которых к нему также может быть и дружественным, и враждебным. Человек не просто способен учитывать это различие аналогично тому, как он учитывает различие между полезными и вредными вещами. Он может также формировать отношение к себе со стороны других людей через посредство того, как он сам относится к ним. Так как все люди нацелены на добро, то мера их дружественности по отношению к конкретному человеку зависит от меры приемлемости для них того добра, которое этот последний практикует. Для того чтобы исключить враждебное отношение и сформировать дружественное отношение к себе со стороны других людей, человек должен стремиться к такому добру для себя, которое было бы также и добром для них, т.е. к безусловному, абсолютному добру. Особенность нравственности состоит в том, что она представляет собой единство индивидуального и всеобщего – выражает намеренно реализуемый личностный смысл жизнедеятельности человека и одновременно с этим имеет общезначимую, универсальную природу. Соответственно она расчленяется на индивидуально-личностные и безлично-объективированные формы.

Добродетели (и противостоящие им пороки) являются основным суммирующим показателем индивидуальной нравственности, представляют собой прижизненные качества человека, которые формируются в процессе его сознательных действий и характеризуют последние исключительно в их соотношен-

ности с действующей личностью, как результат ее решения, намеренного выбора. Они выражают способность человека к добродетельным и порочным поступкам, первые из которых ценны, а вторые неприемлемы сами по себе, независимо от их следствий и контекстов.

Безлично-объективированные формы нравственности суммируются в понятии общественной нравственности, наиболее важное значение для понимания своеобразия которой имеют общие нормы (принципы), очерчивающие пространство собственно человеческого существования (пространство человечности) в отличие от стихии («дикости») природных процессов. Своеобразие нравственных норм в системе общественной регуляции состоит в том, что они в качестве ее исходного пункта и базисного основания претендуют на статус категорического (безусловного), абсолютного закона, не знающего никаких исключений. В силу этого они задаются в качестве универсальных – обязательных для людей независимо от каких-либо различий между ними. Они опираются на автономию воли и потому не расчленяются на объект и субъект. Безусловность (категоричность), универсальность (общезначимость), автономность – не вторичные обобщения, достигаемые в результате научного осмысления норм нравственности, а их реальные характеристики в том виде, в каком они представлены и обнаруживают свою действенность в общественном сознании. Именно в таком качестве они осознаны и кодифицированы в Декалоге Моисея, Нагорной проповеди Иисуса Христа, в новоевропейских декларациях прав человека; в первых двух случаях они заявлены как заповеди Бога, в третьем – в качестве самоочевидных истин. Сам не допускающий сомнения и деперсонализированный способ включенности нравственности в культуру, по сути дела, означает признание того, что не существует людей, которые в силу каких-то своих достоинств имели бы преимущественное право говорить от имени морали и стоять на ее страже, точно также, как не существует людей, которые в силу своих недостатков или даже ничтожества были бы отлучены от обязательств, налагаемых нравственностью на них и по отношению к ним. В тех случаях, когда отдельные индивиды и институты выдают свое понимание нравственности за единственно истинное и узурпируют на этом основании право вершить нравственный суд в обществе, они в эпистемологическом плане приходят в противоречие с идеей ее изначальности и абсолютности, а в социальном плане становятся на путь демагогии и лицемерия, открывающий двери насилию и прикрывающий его.

Добродетели и нормы, как они сами по себе ни важны, не могут гарантировать нравственную доброкачественность поведения. Во-первых, поступки человека всегда полимотивированы, нравственные мотивы существуют в одном клубке

со многими другими: добродетели переплетены с телесными, психологическими состояниями, интеллектуальными качествами, эстетическими и другими способностями, нравственные нормы явлены в единстве с обычаями, правовыми установлениями, профессиональными и иными предписаниями. Во-вторых, нравственные мотивы не могут быть трансформированы в конкретные поступки в силу той же причины, в силу которой из понятия вещи нельзя вывести ее бытие. Добродетели и нормы суть абстракции от поступков и соотносятся с последними так же, как понятия с вещами; они позволяют квалифицировать поступки по нравственному критерию, но они не говорят о том, что и как должен делать, какие поступки совершать тот или иной индивид в единственности занимаемого им в бытии места.

Поступок – основной и специфичный для нравственности способ освоения мира и бытия в нем; он играет в ней такую же роль, какую в теории играет понятие, в искусстве – художественный образ, в религии – молитва. Речь идет вовсе не о том, чтобы в совокупности человеческих поступков выделить особый класс нравственных поступков; и не о том, чтобы подчеркнуть центральную роль поступка в структуре нравственности. На самом деле нравственность ответственна за сам факт поступка (любого поступка!), за его рождение, она дает поступку имя, после чего он становится поступком того конкретно-единственного человека, который его совершил. С этой точки зрения важно различать содержание поступка и факт поступка. Содержание поступка является предметом специальной ответственности, которая определяется знаниями, включая также этические рекомендации и предостережения, навыками, опытом и другими факторами, определяющими его обоснованность, целесообразность, продуманность, в конечном счете его успех или неуспех. Однако из специальной ответственности, говорящей о том, что поступок возможен в успешном варианте, что для его совершения имеются все средства, вовсе нельзя сделать заключение о том, должен или нет данный конкретный индивид совершить его. Это уже предмет другой ответственности – нравственной. Единственным основанием, определяющим быть поступку или нет, является решение данной конкретной личности, ее решимость совершить его. Объясняя своеобразие нравственной ответственности в отличие от специальной ответственности, М.М. Бахтин, который впервые раскрыл и описал различия между ними, выразился так: «Не содержание обязательства меня обязывает, а моя подпись под ним»¹. Решение о поступке автономно по отношению ко всем связанным с его содержанием соображениям, но после того, как оно принято, эти соображения

---

¹ М.М. Бахтин. К философии поступка // Собр. соч. Т. 1. М., 2003. С. 37.

становятся решающими; нравственная ответственность, хотя и не вытекает из специальной ответственности, тем не менее получает в ней продолжение.

Не существует специальных категорий поступков и видов деятельности, которые заключали бы в себе неизменно добрый смысл и могли бы считаться безошибочными критериями нравственной зрелости человека и общества. Такими в строгом смысле не являются даже дела милосердия, ибо, хотя в них нравственная мотивация достаточно зримо выражена, тем не менее, а отчасти по этой причине они нередко бывают пропитаны социальной фальшью, носят показной, лицемерный характер.

Человеческие действия, рассмотренные с внешней стороны, объективны и с этой точки зрения ничем не отличаются от любых других действий и процессов в мире. В то же время все линии детерминации, складывающиеся в человеческие действия, соединяются в психике конкретных индивидов таким образом, что само действие становится результатом решения данного индивида и воспринимается им как его собственный свободный поступок. Внутреннее восприятие индивидом своего объективно обусловленного действия в качестве свободно избранного поступка, за который он чувствует личную ответственность и который может быть вменен ему в вину, обосновано тем жестким фактом, что он мог бы его не совершать. Именно эта способность не совершать того, что он считает ненужным, недостойным совершать, определяет неограниченную «меру» личного, нравственно-участливого отношения человека к своим действиям. Это – центральный пункт для понимания действенности морали, которая, по точному замечанию Сартра, «никогда не говорит о том, что следует делать, но всегда говорит о том, что ни при каких обстоятельствах делать нельзя»¹.

Нравственные требования имеют по преимуществу форму запретов. Это относится и к добродетелям (умеренность есть прежде всего запрет на невоздержанность, чревоугодие, похотливость; мужество – запрет на трусость; мудрость – запрет на невежество и суеверие; справедливость – запрет на бесправие, милосердие – запрет на насилие; толерантность – запрет на дискриминацию людей по расовым, религиозным, политическим и иным признакам), но еще в большей мере к нормам (самыми показательными и программными в этом отношении являются Моисеевы запреты «не убий», «не лжесвидетельствуй», «не кради», «не прелюбодействуй»; продолжающая их Нагорная проповедь также резюмируется в Золотом правиле, которое запрещает человеку делать то, что тот осуждает в других). Почему именно запрет? а) Они обозначают границы между простран-

---

¹ Сартр Ж.П. Тетради по морали // Этическая мысль. М., 1992. С. 258.

ствами собственно человеческого существования и обрамляющими их, скрыты-ми за ними зонами дикости. б) Только запреты могут стать универсально действенными в масштабе человечества, так как достаточной гарантией их универсальности (общезначимости) может быть способность людей признать их в этом качестве. Особенностью силлогизма негативного поступка (действия, основанного на запрете) является то, что здесь отсутствует частная посылка. с) Запреты реализуются в однозначных поступках.

Запреты суть средства, благодаря которым люди оберегают свое бытие в его глубоко нравственном качестве и предназначении: они обозначают «минные поля» на пути человечности. Как скульптор высекает прекрасный человеческий образ из камня, отсекая в нем все лишнее, как ученый открывает законы природы в искусственной среде эксперимента, очищенной от всех искажающих случайных влияний, так индивид развивает себя в нравственную личность, ограничивая разрушительную стихию природных и социальных инстинктов. Эта истина закреплена в культуре всеобщим убеждением, что нравственный человек – это человек сдержанный, скромный, способный умерить зов плоти, искушение власти, жажду богатства, подчинить свои страсти взвешенному голосу разума. Нравственные запреты можно противопоставлять полнокровной жизни человека с еще меньшим основанием, чем, например, инженерные сооружения, сдерживающие разгул природных стихий, – физической природе. Они скорее совпадают с самим бытием в его разумной выраженности. Именно в их случае более чем в каком-либо ином, разумное бытие говорит на своем собственном языке, когда слову для того, чтобы стать делом, не нужно ничего помимо него самого.

Нравственно санкционированная практика во всех своих разновидностях обрамлена запретами: семья – запретом на прелюбодеяние, правосудие – запретом на лжесвидетельство, родина – запретом на измену и т.д. Наряду с ними существуют также универсальные запреты, которые задают саму нравственность как форму человеческой практики и мыслятся абсолютными без каких-либо ограничений. Таковы как минимум следующие два: запрет на насилие («не убий») и запрет на ложь («не лги»). Они негативно очерчивают бытие индивидов в качестве нравственно зрелых личностей, субъектов индивидуально-ответственного поведения, запрещая одному человеку подчинять себе волю другого, будь то путем физического принуждения (насилия) или путем обмана. Они блокируют «универсальные» соблазны, которые органичны человеку как существу природному и социальному и с противостояния которым начинается и в постоянной борьбе с которыми реализуется собственно нравственное бытие и человечества в целом, и каждого отдельного индивида.

Как тело человека с его нацеленностью на удовольствие и отвращением от боли и страданий несет в себе своеобразный меморандум жизни, так и его сознательная воля, которая нацелена на добро и противостоит злу, содержит в себе нравственность как своеобразный меморандум человечности. И первыми двумя статьями этого меморандума, несомненно, являются эти кардинальные запреты. Как любое определение является отрицанием, так и любое отрицание можно считать определением, а запрет – утверждением. Это относится – и даже в первую очередь – к кардинальным нравственным запретам. «Не убий» означает, вместе с тем, обязательство людей решать все возникающие между ними проблемы на основе разума и в пространстве речи, находить совместные решения – решения, на которые получено согласие всех, кого они касаются. «Не лги» как отказ от злоупотребления словом означает одновременно взаимное обязательство людей относиться друг к другу как к людям, а не как к вещам, ибо непосредственным, эмпирическим выражением их разумной сущности является то, что они умеют говорить; этот запрет следует понимать как обязательство соблюдать обязательства, обещание соблюдать обещания, договор соблюдать договоры. Абсолютный нравственный запрет на ложь и насилие означает относительное нравственное разрешение на все остальное.

Abdusalam Guseynov¹

The simplest and most basic definition of morality would be as follows: one may not kill and one may not lie. The purpose of ethics is to comprehend why this is so and why it cannot be any other way.

Human beings wish to live their lives in the best possible way and deliberately orient it according to the vector of good. In the most general sense, good is what one strives for and evil is what one seeks to evade. Obviously enough, everybody pursues their own definition of good. The multitude of existing opinions of the matter at hand has been rendered to three basic elements as early as in the days of ancient philosophy, namely: pursuit of pleasure; self-assertion via civil activity; affinity for the eternal that equals the

---

¹ Abdusalam Guseynov – Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Director, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, author of a number of seminal works and textbooks on ethics, such as “Ancient Ethics”, “Great Prophets and Thinkers: Moral Teachings from Moses to Our Times”, “Philosophy, Morality and Politics”, “The Golden Rule of Morality”, “Philosophy: Thought and Action” etc.